

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 123—134.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 2. P. 123—134.

Научная статья

УДК 323.1+94(5-011)

EDN <https://elibrary.ru/nnpyupm>

DOI: 10.46726/И.2025.2.13

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ ЭТНОКОНФЕССИИ И СИСТЕМА РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XXI ВЕКЕ

Игорь Валерьевич Рыжов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, ivr@imomi.unn.ru

Александр Игоревич Дубинин

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, adubin40rus@mail.ru

Аннотация. В данной статье уделяется внимание этническому и религиозному разнообразию региона, а также проблемам, с которыми столкнулись страны Ближнего Востока в последние годы. В качестве методов исследования в ходе написания статьи были использованы следующие: историко-системный и общенаучные (синтез и анализ). Объектом данного исследования являются этнические и религиозные отношения между странами Ближнего Востока. При написании статьи были поставлены следующие задачи: 1) проанализировать взаимоотношения стран Ближнего Востока между собой на современном этапе; 2) проанализировать роль исторических событий прошлого в контексте сегодняшней ситуации в регионе; 3) дать оценку иностранному влиянию на этнические и религиозные факторы в отношениях между странами региона; 4) проанализировать суть влияния вооруженных формирований на конфликтогенность Ближнего Востока. Новизна данной работы заключается в изучении влияния националистических и сепаратистских движений, роли иностранного влияния на ситуацию внутри ключевых государств региона, а также в анализе их исторической специфики, влияющей на современное положение. Актуальность данной работы заключается в усилении конфликтогенного потенциала региона в особенности после начала нового этапа противостояния Израиля и Палестины.

Ключевые слова: Ближний Восток, Ирак, Турция, Иран, ислам, шииты, сунниты, США, Запад, курды

Для цитирования: Рыжов И.В., Дубинин А.И. Ближневосточные этноконфессии и система региональных международных отношений в XXI веке // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 123—134.

Введение

За последние годы в мире заметно усложнились международные отношения. Появились новые вызовы, серьезно угрожающие стабильности ситуации во многих регионах земного шара. Увеличивается количество очагов насилия, следствием чего становится усиление этнополитических проблем. Стоит отметить, что при развитии военных конфликтов следует учитывать, что к середине 2010-х годов в мире насчитывалось по меньшей мере 45 региональных конфликтов.

© Рыжов И.В., Дубинин А.И., 2025

В историографии вопроса этноконфессии в системе региональных международных отношениях на Ближнем Востоке уделяется особое внимание в работах многих отечественных и зарубежных исследователей. Так одним из основных трудов является «Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка)» под редакцией В.В. Наумкина и Д.Б. Малышевой [Наумкин, Малышева]. В монографии детально описываются причины кризисных явлений региона и дается историческое обоснование тем или иным событиям. В ходе создания данной научной работы был проанализирован сборник статей «Актуальные проблемы Ближнего и Среднего Востока» под редакцией А.М. Мустафабейли, в котором авторы заостряют внимание на влиянии США и союзников на положение в регионе, а также затрагивают курдский вопрос [Мустафабейли, Козырев: 73—83]. О проблемах создания новой системы безопасности на Ближнем Востоке упоминается в статье И.В. Рыжова, М.Ю. Бородиной, Е.М. Савичевой под названием «Ближний Восток: поиск новой архитектуры безопасности в окружающем мире» [Рыжов, Бородина, Савичева: 418—435]. О том, что Ближний Восток стал местом интересов не только внутренних игроков региона, но и крупнейших государств мира, пишет О.А. Мазур в статье «Ближний Восток: на острие противоречий» [Мазур: 106—113]. Кризисные моменты политики США в регионе описываются в работе «Ближний Восток: состояние и развитие перспектив региональной ситуации», авторами которой являются А.В. Крылов и А.В. Федорченко [Крылов, Федорченко: 98—145]. Проблема курдского национального движения сразу в нескольких странах региона освещается в коллективной монографии под редакцией В.Г. Барановского и В.В. Наумкина «Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития» [Барановский, Наумкин: 98—133]. Перспективы Иракского Курдистана описываются в сборнике «Большой Ближний Восток в мировой экономике и политике» под редакцией Ю.Д. Квашнина и Н.В. Тоганова [Голубев: 15—27]. Тематике взаимоотношений России и Ближнего Востока посвящена статья «Взаимоотношения России и арабского мира: история становления и современное развитие» Ж.Г. Аватесяна [Аватесян: 79—81]. Месту России на политической карте Ближнего Востока уделяется внимание в статье Н.У. Ханалиева «Приоритеты национальной безопасности России на большом Ближнем Востоке» [Ханалиев: 143—153]. Стоит отметить, что одним из главных факторов, способствующих разобщению народов региона, является религиозный. Данной проблематике уделили внимание А.И. Пирогов и Д.А. Бирюков в статье «Исламский фундаментализм в арабском мире». Авторы полагают, что сегодняшний исламский фундаментализм является угрозой не только региону, но и всему мировому сообществу [Пирогов, Бирюков: 128—136]. Роли ислама в ближневосточной повестке уделяется первая глава сборника «Ближний Восток в фокусе политической аналитики» под редакцией А.В. Федорченко и А.В. Крылова [Федорченко, Крылов: 63—102]. Проблему этнического многообразия региона описывает А.М. Ахунов в пособии: «Основы этнографии стран арабского Востока» [Ахунов: 15]. Отдельно стоит отметить, что иностранные авторы, так же, как и отечественные, работают над выявлением основных тенденций в развитии региона. Так, Г. Фуллер в труде “The Future of Political Islam” заостряет внимание мирового сообщества на негативном влиянии США на жизнь Ближнего Востока и размышляет над будущим политического ислама как явления [Fuller]. О деструктивной роли США на Ближнем Востоке пишет Г. Гоз в научной публикации “Beyond Sectarianism: The New Middle East Cold War” [Gause: 1—28]. А. Гельке в работе “Politics in Deeply

Divided Societies” рассматривает ситуацию в регионе через призму теории глубоко раздельных обществ, согласно которой общество большинства стран Ближнего Востока разделено на несколько противостоящих друг другу по этническому, религиозному или иному признаку частей [Guelke: 1—96]. О том, за счет кого и каким образом пополняются ряды радикальных исламизированных элементов, пишут Д. Шапиро и Д. Биман [Shapiro, Yuman: 37—46].

Примечательно, что при подсчете количества вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке существует два противоположных мнения. Так, с одной стороны, согласно статистике, количество войн в мире неуклонно снижается в сравнении с 1990-ми годами. К примеру, если в 1992 году произошло порядка 50 конфликтов (в том числе и внутри государств), а в состоянии непосредственной войны находилось около 20 % стран всего мира, то на начало XXI века конфликтами остались затронуты всего 13 % государств [Наумкин, Малышева: 10]. С другой стороны, прогресс не стоит на месте, человечество постоянно совершенствует оружие, благодаря чему увеличивается интенсивность боев. Соответственно и количество жертв в ходе боевых действий также увеличивается. К примеру, в 2014 году войны унесли жизни порядка 215 тыс. человек. Отдельно стоит отметить, что большая часть погибших пришлась на мирное население. К примеру, на территории Ирака, согласно данным СИПРИ, жертв среди гражданских лиц было порядка 128 тыс. человек. Данная цифра крайне примечательна в контексте общего количества смертей в ходе военного конфликта США и союзников с Ираком с 2003 по 2011 годы — 162 тыс. [Наумкин, Малышева: 11]. В Сирии за период активных боевых действий правительственных войск и ИГИЛ (запрещена в РФ) за вторую половину 2014 года количество убитых гражданских лиц составило порядка 2 тысяч человек.

В целом Ближний Восток является одним из давних источников этнических и религиозных конфликтов в мире. К тому же процессы глобализации не прошли мимо даже такого консервативного региона. В некоторых государствах посредством глобализации была разрушена традиционная для них модель общества, а люди оказались не готовы к социальным и экономическим изменениям. Поэтому естественным можно назвать желание некоторых политических сил, как правило, мусульманских, противостоять современным тенденциям. Представители религиозных организаций (зачастую радикально настроенных) полагают, что образ жизни, по которому многие столетия жили народы Ближнего Востока, не может сочетаться с глобализационными процессами, которые, как правило, несут за собой в дополнение либеральную западную идеологию. Следовательно, активизация данного процесса как общемировая тенденция способствовала росту реакционных консервативных и даже радикальных взглядов среди населения региона.

Процесс глобализации на Ближнем Востоке: особенности и тенденции

Стоит отметить, что несмотря на некоторые успехи глобализационных процессов на Ближнем Востоке, которые в определенных странах даже нашли своих единомышленников среди правящих элит (аравийские монархии в первую очередь), в целом в регионе намечена тенденция к тому, чтобы отделить друг от друга понятия «глобализация» и «вестернизация». Таким образом, лидеры государств региона стараются модернизировать общество, но за основу его обновления взять не западные образцы, а традиционные для мусульманского общества ценности. Таким образом, можно сказать о зарождении антиглобализма в религиозном облике [Наумкин, Малышева: 14]. Данную проблематику изучали некоторые западные ученые. К примеру, американский

политический аналитик Грэм Фуллер в своей работе «Будущее политического ислама» полагает, что население Ближнего Востока стало крайне реакционно настроенным по отношению к США и союзникам после планомерного давления (идеологического и военного) со стороны американцев [Fuller: 38]. К тому же после развала Советского Союза, который в последние десятилетия своего существования серьезным образом дискредитировал себя в глазах мусульманской общественности (прежде всего война в Афганистане и насаждение атеизма), основные проблемы целых народов Ближнего Востока некоторые местные жители стали связывать исключительно с либеральными западными тенденциями. Следовательно, антиамериканские настроения действительно наложили определенный отпечаток на общественную жизнь стран региона, а также на формирование политических сил. После террористического акта 11 сентября 2001 года противостояние двух идеологий вышло на новый уровень. США и сателлиты рассматривают Ближний Восток с точки зрения возможности обогатиться за счет нефтегазовых ресурсов. Очевидно, что борьба с террористическими образованиями в данном контексте отходит на второй план, уступая экономической выгоде. К тому же нельзя сказать, что с приходом в регион американцев конфликты сошли на нет. Арабо-израильское противостояние в 2023 году вступило в новую фазу, военные конфликты в Сирии, Ираке, Ливии и Йемене также свидетельствуют о том, что США в регионе преследует свои интересы, отличные от задекларированных. Курдский вопрос до сих пор является нерешенным, Палестина по-прежнему не имеет собственного государства, а ЦАХАЛ активно пользуется собственным военным превосходством и поддержкой США, проводя кровопролитную операцию в регионе. Также на Ближнем Востоке остаются государства, которые можно называть «бомбой замедленного действия». К примеру, Йемен, где периоды затишья довольно часто прерываются вооруженными столкновениями.

Теория глубоко раздельных обществ как фактор этнической и религиозной раздробленности региона

Политическому и религиозному кризису в регионе способствует сразу несколько факторов, в том числе и раздробленность государств по следующим признакам:

- 1) конфессиональный (сунниты — шииты, мусульманское большинство и христианское меньшинство);
- 2) национальный (евреи — арабы, персы — арабы);
- 3) политический (разнообразие форм правления).

В то же время на Ближнем Востоке есть и примеры дальновидной политики некоторых лидеров настоящего и прошлого, направленной на достижение мира между представителями разных конфессий во властных структурах. К примеру, одним из наиболее близких к Саддаму Хуссейну деятелей был христианин Тарик Азиз, который на протяжении многих лет отвечал за внешнюю политику Ирака. Бывший президент Сирии Башар Асад, алавит, назначив на посты в службах специального назначения представителей своего клана, разрешил суннитам получать доходы благодаря экономической открытости страны. Однако данные примеры скорее исключение из правил, а суннитско-шиитское противостояние продолжает оставаться болевой точкой региона. Также стоит отметить и другие причины, из-за которых обстановка на Ближнем Востоке остается напряженной: авторитаризм, который часто тяготеет к диктатуре, а также неравенство разных групп населения, которое зачастую не зависит от принадлежности к конфессии или этносу.

Проанализировать ситуацию на Ближнем Востоке возможно через призму так называемой теории глубоко разделенных обществ (ТГРО) [Guelke: 13—14]. Говоря о данной теории, следует обратить внимание на то, что общество той или иной страны можно поделить на две полярные части. Однако Адриан Гелке выделяет в качестве исключения Ирак, в котором общество можно поделить на три части: сунниты, шииты и курды. В теории глубоко разделенных обществ указывается на то, что основным типом дифференциации можно назвать этнический фактор: «этнически фрагментированные общества становятся глубоко разделенными» [Наумкин, Малышева: 27]. Также следует выделить классы, касты, языки и расы в качестве причин разделения народов.

Для того, чтобы преодолеть межэтническую разделенность, можно выделить две модели решения ситуации: интеграционистскую и консоциалистскую. Сторонники первой концепции выступают за принципы федерализма и плюрализма, который способен разрядить обстановку и дать стимул к интеграции населения, а также воспрепятствовать радикализации. Консоциалисты относятся к суждениям первых со скепсисом, считая наиболее безболезненным выходом из ситуации консолидацию элит и их общие усилия по стабилизации этнических отношений в регионе.

Роль иностранного вмешательства в этническую и религиозную жизнь Ближнего Востока

Линии разобщенности в обществах можно рассматривать как совокупность этнических, родоплеменных, социальных, межрегиональных и иных противоречий [Наумкин, Малышева: 27]. Например, этнический национализм служит катализатором для столкновений, а где-то и вовсе «служит мощным основанием для притязаний меньшинств на сецессию и образование новых государств» [Guelke: 32]. В Сирии можно было наблюдать за желанием алавитского меньшинства сохранить контроль над властными структурами и не допустить федерализации государства, за которую активно выступали курды. Однако стоит помнить, что первопричиной боевых действий на территории страны является засуха и, как следствие, переезд обедневшего сельского населения в города. В Ираке же ситуация накалилась из-за несоблюдения прав суннитского меньшинства со стороны шиитов, которые также подвергались дискриминации во времена правления С. Хусейна. На примере Йемена можно проследить за так называемой многоуровневой разделенностью, выстроенной в иерархическом порядке доступа к власти и благам. В контексте данной страны можно упомянуть о проблеме севера и юга, которая затрагивает многие государства и помимо Йемена. В упомянутой стране разногласия возникли из-за хуситов, исповедующих шиизм (преимущественно север страны), и остальным населением. Конфликты подпитывались и родоплеменными столкновениями, несмотря на попытку властей подавить их при помощи мер, направленных на федерализацию страны.

Попытки примирения этнических групп были предприняты и в Ливане. Еще в 1943 году был подписан Национальный пакт, благодаря которому власти планировали достигнуть консенсуса между различными общинами и движениями. Однако даже данная мера не смогла спасти страну от гражданской войны 1975—1990 годов. В то время серьезный поток беженцев из Сирии (порядка полутора миллионов) нарушил хрупкий демографический баланс в Ливане. Впоследствии в 2014 году власти данной страны ввели визовый режим для сирийцев, с целью ограничить поток беженцев из этой страны.

Говоря о вооруженных конфликтах на Ближнем Востоке, нельзя не упомянуть фактор внешнего вмешательства США и союзников, что привело к усилению политических и этнических противоречий между странами региона и представителями западных демократий. Особенно в данном контексте стоит выделить Ирак, военное вторжение в который было совершено без международного мандата. Одновременно с иностранным вмешательством в самой стране накал противостояния между суннитскими радикалами и шиитской милицией вышел на новый уровень и спровоцировал увеличение жертв среди мирного населения. В целом можно сказать, что американцы допустили три ключевые ошибки, которые поспособствовали усугублению противоречий:

- 1) уничтожение государственного аппарата;
- 2) ликвидация армейских подразделений страны;
- 3) запрет деятельности БААС.

Говоря о причинах данных действий, можно предположить, что США посчитали данные структуры неспособными к трансформации. Напротив, в Вашингтоне опасались желанная армией, БААС и в целом государственного аппарата взять реванш. Как следствие, все основные силы, которые и являлись опорой централизованного режима, были демонтированы, что способствовало усилению конфронтации. Таким образом, в стране сформировался своеобразный вакуум власти, заполнить который стало крайне тяжело. Также стоит отметить, что в своей концепции по контролю за регионом американцы использовали религиозный фактор. Безусловно, шииты, ущемленные в своих правах, нуждались в скорейшей реабилитации. Однако ставка, сделанная правительством Джорджа Буша-младшего на примирение конфессий в стране при помощи опоры на шиитские организации, ограничила в правах суннитов. Те, в свою очередь, начали вражду с шиитами и с христианским меньшинством в стране. Вдобавок реабилитированные курды начали строить собственные квазигосударственные образования. Междоусобица в стране началась при непосредственной помощи Соединённых Штатов Америки. Иракская государственность была разрушена, а новую построить не удавалось. Стоит отметить, что даже американские эксперты указывают на пагубное влияние страны на ситуацию в регионе. Так, Грегори Гоз писал следующее: «Соединенные Штаты продемонстрировали в Ираке, что они гораздо успешнее могут разрушать государство, чем строить» [Gause: 24]. Приход в Ирак США пагубно повлиял и на демографическую ситуацию в государстве. Только за период с 2003 по 2006 годы в стране погибло порядка 600 тысяч человек. Из них порядка 13 % умерли из-за бомбардировок, включая 46 % женщин и 39 % детей [Наумкин, Малышева: 34]. Христианское население страны также уменьшилось практически на миллион человек. Для временного охлаждения накала противостояния была избрана тактика, включающая в себя работу с суннитскими племенами, которые были способны ослабить позиции «Аль-Каиды» в районах с суннитским большинством. Однако данные меры сгладили конфликт ненадолго, и вскоре сунниты вновь объявили о том, что они намерены бороться с дискриминацией со стороны правительства Малики.

Курдская проблема как главный фактор сепаратизма на Ближнем Востоке

На севере Ирака все еще болевой точкой оставался Курдистан. Получив желаемую автономию, курды в трех северных регионах стали строить подобие квазигосударства со своей экономикой. Несмотря на послабления, которые центральная власть дала курдам, последние хотели не довольствоваться

этим, а, наоборот, стремились расширить свои права, в частности, старались добиться права на заключение нефтяных контрактов без ведома центра. К тому же никуда не делись претензии на Кикрук, который курды считали своей столицей. Стоит отметить, что данный город является типичным для Ближнего Востока примером этнической разделенности (имеет схожие черты с Иерусалимской проблемой). На Кикрук, город с богатыми нефтегазовыми ресурсами, претендовало сразу несколько народов: арабы, курды и туркоманы. К тому же во многом из-за этого населенного пункта С. Хуссейн нарушил Декларацию 1970 года, подписанную им же с курдским народом.

На данный момент курды не оставляют попыток подчинить себе город. Масло в огонь подлила война, развернутая «Исламским государством» (запрещена в РФ) на северных территориях Ирака. С одной стороны, боевые действия подталкивают курдов сблизиться с правительством страны для борьбы с радикальными элементами. Обратная сторона медали заключается в стремлении курдов получить дополнительные привилегии от центра, что может только накалить ситуацию: вполне вероятно, что курды не захотят довольствоваться тремя регионами на севере, а замахнутся на другие спорные районы, включая Кикрук.

После того, как бои на территории Сирии перешли в острую фазу, многие радикальные элементы в составе нескольких группировок, таких как «Аль-Каида» и подчинившаяся ей «Джабхат ан-Нусра», начали активно бороться с правительством Башара Асада. В отдельных регионах экстремисты добились значительных успехов. В частности, к середине второго десятилетия нынешнего века провинции Ракка и Дейр аз-Зор перешли под их контроль. В целом к 2014 году боевики ИГИЛ (запрещена в РФ) замахнулись не только на территорию Сирии, а добились успехов и в Ираке, что позволило им провозгласить трансграничное государство. Немалую роль в этом сыграли боевики, прибывшие из других стран и даже континентов: от Америки до Европы. Существует мнение, согласно которому прибывшие на Ближний Восток иностранные граждане изначально были охвачены идеей защиты населения от режима Башара Асада, а затем стали приверженцами идей глобального джихада [Yuman, Sharifo: 38]. Также среди приехавших в Сирию были и те, кто руководствовался желанием заработать, однако и те продавали свое имущество для помощи джихаду.

Говоря об этнических и религиозных спорах и проблемах на территории Ближнего Востока, нельзя не упомянуть Иран, так как его территория издавна была заселена разными этносами и народами, среди которых также, как и в Ираке, можно выделить курдов. Несмотря на то, что курды являются национальным меньшинством, их влияние на страну весьма значительно. В целом можно выделить сразу несколько провинций Ирана, тесно связанных с курдским меньшинством. Это Курдистан, Кершманах и Илам [Козырев, Мустафабейли: 74]. Стоит отметить, что данные регионы не являются экономически развитыми.

Иранские курды, безусловно, находятся в тяжелых условиях, связанных как с низким социальным статусом, так и с экономической отсталостью. Однако курды Ирана в отличие от иракских и сирийских не чувствовали себя изгоями, таким образом их положение в обществе было все же менее удручающим. Курдская литература, искусство, живопись долгое время были связаны с персидской. Власти Ирана не ставили народ в жесткие рамки и старались не притеснять их, что серьезным образом отличает их от иракских и сирийских соседей. Стоит отметить, что такое положение курдов в стране отнюдь не

означало, что им удалось избежать притеснений на всех исторических этапах за последние 100 лет. Так, после падения Османской империи в регион пришли войны и этнические конфликты, что привело за собой усиление позиций националистов. Во главе с Симко Шиканом курды начали противостоять центральной власти Ирана, однако при победах на отдельных этапах боевых действий успехов на длительной дистанции восставшие не добились.

После окончания Второй мировой войны произошел второй этап зарождения курдского сепаратизма. СССР поддержал восставших, что способствовало провозглашению в 1946 году Курдской республики с центром в Мехабаде. Правительство республики опиралось на националистические идеи, открывало школы, обучение в которых велось на курдском языке, и проводили экономические реформы, с целью урегулировать отношения между крестьянами и местной буржуазией. Однако данное государственное образование просуществовало крайне недолго. Уже в декабре все того же 1946 года центр, воспользовавшись выводом войск Советского Союза из Ирана, разгромил силы курдов, а руководители квазигосударственного образования и вовсе были казнены.

После того как с силами сепаратистов было покончено, Мохаммед Реза Пехлеви, на тот момент являвшийся иранским правителем, начал проводить более лояльную и гибкую политику по отношению к курдскому населению. Он даже подчеркивал роль курдов в истории страны, а некоторые курды и вовсе занимали высокие государственные посты [Козырев, Мустафабейли: 75]. Также М.Р. Пехлеви старался приблизить к себе представителей влиятельных племен курдов для помощи в борьбе с сепаратизмом. В 1960-х годах в стране возник новый виток политической и социальной напряженности. В отдельных регионах под эгидой Демократической партии Иранского Курдистана даже возникло вооруженное восстание, которое продолжалось на протяжении полутора лет. Также лидеры курдских сепаратистов выдвинули лозунг: «демократия — Ирану, автономия — Курдистану». В целом же партия сочетала политические и военные методы борьбы.

Другим фактором, крайне негативно повлиявшим на курдов, стала ирано-иракская война 1980—1988 годов. Из-за того, что боевые действия охватывали весомую часть территорий курдов, жертвы, как среди мирного населения, так и среди военных, были колоссальными. Кроме того, обе стороны пытались заручиться поддержкой курдского населения противника, что только подталкивало Тегеран и Багдад к репрессиям по отношению к курдам. В целом, можно сказать, что при правлении Хомейни стремление курдов к автономии жестко подавлялось.

Следующий виток в отношениях между властями Ирана и курдов произошел во время правления М. Хатами, которого можно было назвать более либеральным, чем его предшественник. Он дал послабления курдам в культурной сфере, а губернатором иранского Курдистана был назначен этнический курд. Послабления продлились не так долго, и уже к 1999 году на территории Курдистана возникли восстания, которые послужили фундаментом для создания вооруженного подполья во главе с Партией свободной жизни Курдистана и ДПИК.

Далее президент М. Ахмадинежад перешел к репрессиям населения регионов, тяготеющих к отделению. Стоит отметить, что сепаратистские настроения активным образом подогревались извне. Так, монархии персидского залива, Соединенные Штаты Америки и Израиль оказывали поддержку курдам. Настороженность Тегерана стала еще сильнее, когда власти получили сведения о сближении курдов и Организации моджахедов иранского народа. Понимая это, власти Ирана пошли на серьезный шаг, а именно начали сотрудничать с Курдским автономным регионом в Ираке, что впоследствии привело

к тому, что к 2013 году порядка 500 иранских компаний начали вести бизнес на территории курдской автономии [Козырев, Мустафабейли: 78]. Однако власти Ирана не ограничились только экономическим сближением. К 2000 году в городе Эрбиле (центр курдской автономии Ирака) было открыто иранское консульство, а в 2007 году в Тегеране заработало представительство Иракского Курдистана. Также правительство исламской республики наладило авиационную связь с Эрбилем, а в 2011 году состоялся визит президента Иракского Курдистана в столицу Ирана, в ходе которой лидера иракских курдов попросили посодействовать в налаживании диалога правительства Ирана с сепаратистами.

В 2013 году на пост президента Ирана был избран Х. Рухани, имевший имидж либерально настроенного правителя. Новоиспеченный лидер пообещал выделить порядка 1 млрд долларов на улучшение жизни районов, которые населяют преимущественно курды. Однако на практике это обещание выполнено не было, что разделило мнение курдов на два полюса: одни продолжали верить в то, что улучшения не за горами, другие утратили доверие к лидеру государства и настроились по отношению к нему крайне реакционно. Некоторые оппозиционные организации, возглавляемые Б. Адабом, старались наладить отношения с руководством ИРИ, в то время как другие не стремились к поиску компромиссов, так как видели в качестве примера иракских курдов, добившихся большей самостоятельности, чем они.

Одновременно с этим власти Ирана находились под угрозой суннитских радикально настроенных группировок, которые стремились воспользоваться усилением противоречий между сепаратистами и властью в своих целях. В качестве примера можно привести Ансар аль-Ислам, руководство которой провозгласило священную войну против шиитских властей республики. В ответ на это центр создал специальное подразделение под названием «Разим». Для борьбы с сепаратизмом предполагалось привлечь в новое военное формирование этнических курдов, лояльных властям. Вскоре на границе была сконцентрирована бронетехника. Однако даже эти меры не остановили курдов, и летом 2016 года ДПИК атаковали КСИР. В ходе боевых действий было убито несколько военнослужащих. Чуть позже власти объявили об уничтожении 13 боевиков оппозиции. В сентябре того же года курды убили порядка 25 иранских стражей революции.

Антиправительственная деятельность оппозиции в Ираке и Иране усилилась при помощи извне: американцы, израильтяне, саудиты финансировали курдов через консульство в Эрбиле. Уже к 2017 году в Курдском автономном районе произошел референдум о независимости, в ходе которого подавляющее большинство (порядка 93 %) проголосовало за отделение от Ирака. Данный прецедент мог пагубно повлиять на расстановку сил в регионе. Большинство стран референдум не поддержало. Турция и Иран высказались против голосования, пообещав задействовать все силы, включая военные. Однако не все политические деятели выступали за подавление воли сепаратистов. Так, лидер суннитов Ирана Мехлеви Абдилхамид выступил с критикой действий Тегерана, направленных на экономическую блокаду региона. Таким образом, политика легитимных властей Ирака и Ирана стала диаметрально противоположной: от начала ведения экономических отношений и открытия консульств до угроз военного вторжения после референдума об отделении земель курдов от Ирака.

В 2017 году президент Турции Р. Эрдоган в ходе визита в Иран договорился о принятии мер для противостояния курдскому сепаратизму как в Ираке, так и в Сирии. Вашингтон также не принял результаты референдума в Ираке, а государственный секретарь американцев Р. Тиллерсом озвучил позицию своего государства, по которой США поддерживали целостность Ирака. Однако

среди экспертов существует противоположное мнение, согласно которому американцы «за спиной» у мирового сообщества проводят двойную политику: принимая во внимание идеологическое, военное и политическое противостояние с Ираном, руководство США стремится к поддержке лидеров Иракского Курдистана, в том числе по вопросам референдума о независимости. К тому же стоит принимать во внимание обстановку в соседней Сирии, которая складывается явно не в пользу США. К тому же гибель иракского режима означала для американцев геополитическое поражение в стране. Таким образом, на конец 2010-х годов боевые действия в регионе, подогреваемые внутренними противоречиями, не только не прекратились, но и еще сильнее обострились, что к 2024 году привело к ухудшению геополитической ситуации и новой волне конфронтации на Ближнем Востоке.

Вывод

На основании всего вышесказанного можно прийти к выводу о том, что Ближний Восток по-прежнему является центром противостояния политических течений, религиозных взглядов и вооруженных формирований. Противостояние суннитов и шиитов в ближайшее время не закончится, как и конфронтация между национальными меньшинствами и центром. Вероятно, без вмешательства в дела региона со стороны стран Северной Америки и Европы ситуация разрешилась бы намного быстрее и с меньшими жертвами как среди мирного населения, так и среди участников вооруженных формирований. Новый виток противостояния между Израилем и Палестиной, в ходе которого еврейское государство не стесняется обстреливать мирное население Сектора Газа, стал возможен во многом благодаря поддержке Израиля Соединёнными Штатами Америки. Для того чтобы сделать вывод о нынешней ситуации в регионе, был произведен анализ этнических, религиозных и политических взаимоотношений в странах, являющихся ключевыми игроками на карте современного Ближнего Востока. Также была дана характеристика политических процессов, берущих свое начало не в XXI веке, но имеющих важное значение в контексте современной обстановки на Ближнем Востоке.

Список литературы / References

- Аветисян Ж.Г. Взаимоотношения России и арабского мира: история становления и современное состояние // Общество: философия, история, культура. 2016. № 5. С. 79—81.
(Avetisyan J.G. Relations between Russia and the Arab world: the history of formation and the current state, *Society: Philosophy, history, culture*, no. 5, 2016, pp. 79—81. — In Russ.)
- Актуальные проблемы Ближнего и Среднего Востока: сборник научных статей / отв. ред. А.М. Мустафабейли. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2017. 169 с.
(Actual problems of the Near and Middle East: a collection of scientific articles, ed. by A.M. Mustafabeyli, Moscow, 2017, 169 p. — In Russ.)
- Ахумов А.Н. Основы этнографии стран Арабского Востока: учебное пособие для студентов вузов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. 336 с.
(Akhumov A.N. Fundamentals of ethnography of the countries of the Arab East, Kazan, 2014, 336 p. — In Russ.)
- Ближний Восток в фокусе политической аналитики: сборник научных трудов: к 15-летию Центра ближневосточных исследований / под ред. А.В. Федорченко и А.В. Крылова М.: ИМИ МГИМО, 2019. 548 с.
(The Middle East in the focus of political analysis: a collection of scientific papers: on the 15th anniversary of the Center for Middle East Studies, ed. by A.V. Fedorchenko and A.V. Krylov, Moscow, 2019, 548 p. — In Russ.)
- Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития / под ред. В.В. Наумкина и В.Г. Барановского. М.: ИВ РАН, 2018. 556 с.

- (The Middle East in a changing global context: key trends of centennial development, ed. by V.V. Naumkin and V.G. Baranovskyi, Moscow, 2018, 556 p. — In Russ.)
- Голубев Д.С. Проблемы и перспективы суверенизации Иракского Курдистана // Большой Ближний Восток в мировой экономике и политике / под ред. Ю.Д. Квашнина и Н.В. Тоганова. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 15—26.
- (Golubev D.S. Problems and prospects of the sovereignization of Iraqi Kurdistan, *The Greater Middle East in World Economy and Politics*, ed. by Yu.D. Kvashnin and N.V. Toganov, Moscow, 2017, pp. 15—26)
- Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка) / под ред. В.В. Наумкина и Д.Б. Малышевой. М.: ИВ РАН, 2015. 504 с.
- (Conflicts and wars of the XXI century (Middle East and North Africa), ed. by V.V. Naumkina and D.B. Malysheva, Moscow, 2015, 504 p. — In Russ.)
- Козырев Н.И., Мустафабейли А.М. Актуальные проблемы Ближнего и Среднего Востока: сборник научных статей / отв. ред. А.М. Мустафабейли. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2017. С. 73—83.
- (Kozyrev N.I., Mustafabeyli A.M. Actual problems of the Near and Middle East: collection of scientific articles, ed. by A.M. Mustafabeyli, Moscow, 2017, pp. 73—83. — In Russ.)
- Крылов А.В., Федорченко А.В. Ближний Восток: состояние и перспективы развития региональной ситуации // Россия и мусульманский мир. 2016. № 10 (292). С. 98—145.
- (Krylov A.V., Fedorchenko A.V. The Middle East: the state and prospects of development of the regional situation, *Russia and the Muslim world*, 2016, no. 10 (292), pp. 98—145. — In Russ.)
- Мазур О.А. Ближний Восток: на острие противоречий // Век глобализации. 2015. № 1. С. 106—113.
- (Mazur O.A. The Middle East: at the edge of contradictions, *The Age of Globalization*, 2015, no. 1, pp. 106—113. — In Russ.)
- Наумкин В.В. Исламский радикализм и внешнее вмешательство в глубоко разделенных обществах Ближнего Востока // Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М.: ИВ РАН, 2015. С. 25—53.
- (Naumkin V.V. Islamic radicalism and external intervention in deeply divided societies of the Middle East, *Conflicts and wars of the XXI century (Middle East and North Africa)*, Moscow, 2015, pp. 25—53. — In Russ.)
- Пирогов А.И., Бирюков Д.А. Исламский фундаментализм в арабском мире // ЭСГИ. 2015. № 4 (8). С. 123—136.
- (Pirogov A.I., Biryukov D.A. Islamic fundamentalism in the Arab world, *ESGI*, 2015, no.4 (8), pp. 123—136. — In Russ.)
- Рыжов И.В. Бородин М.Ю., Савичева Е.М. Ближний Восток: поиск новой архитектуры безопасности в меняющемся мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика, 2023. № 15. С. 418—435.
- (Ryzhov I.V. Borodina M.Yu., Savicheva E.M. The Middle East: the search for a new security architecture in a changing world, *Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African Studies*, 2023, no.15, pp. 418—435. — In Russ.)
- Ханалиев Н.У. Приоритеты национальной безопасности России на большом Ближнем Востоке // Власть. 2017. № 9. С. 143—152.
- (Khanaliev N.U. Priorities of Russia's national security in the Greater Middle East, *Vlast*, 2017, no. 9, pp. 143—152. — In Russ.)
- Byman D., Shapiro J. Homeward bound: Don't hype the threat of returning Jihadists, *Foreign Affairs*, vol. 93, no. 6, November—December, 2014, pp. 37—46.
- Gregory F. Gause III. Beyond Sectarianism: The New Middle East Cold War. Brookings Doha center analysis paper, no 20, 2014, 27 p.
- Fuller E. The future of politic Islam, New York: Palgrave Macmillan, 2003, 262 p.
- Guelke A. Politics in Deeply Divided Societies, Cambridge; Malden: Polity, 2012, 196 p.

MIDDLE EASTERN ETHNIC CONFESSIONS AND THE SYSTEM OF REGIONAL INTERNATIONAL RELATIONS IN THE 21ST CENTURY

Igor V. Ryzhov

Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, ivr@imomi.unn.ru

Alexander I. Dubinin

Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, adubinin40rus@mail.ru

Annotation. This article focuses on the ethnic and religious diversity of the region, as well as the problems faced by the countries of the Middle East in recent years. The following research methods were used during the writing of the article: historical-systemic and general scientific (synthesis and analysis). The object of this research is the ethnic and religious relations between the countries of the Middle East. When writing the article, the following tasks were set: 1) to analyze the relations of the countries of the Middle East among themselves at the present stage; 2) analyze the role of historical events of the past in the context of the current situation in the region; 3) to assess the foreign influence on ethnic and religious factors in relations between the countries of the region; 4) To analyze the essence of the influence of armed groups on the conflictogenicity of the Middle East. The novelty of this work lies in the study of the influence of nationalist and separatist movements, the role of foreign influence on the situation inside the key states of the region, as well as in the analysis of their historical specifics affecting the current situation. The relevance of this work lies in strengthening the conflict potential of the region, especially after the beginning of a new stage of confrontation between Israel and Palestine.

Keywords: Middle East, Iraq, Turkey, Iran, Islam, Shiites, Sunnis, USA, West, Kurds

For citation: Ryzhov I.V., Dubinin A.I. Middle Eastern ethnic confessions and the system of regional international relations in the 21st century, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 2, pp. 123—134.

Статья поступила в редакцию 22.04.2024; одобрена после рецензирования 25.12.2024; принята к публикации 27.02.2025.

The article was submitted 22.04.2024; approved after reviewing 25.12.2024; accepted for publication 27.02.2025.

Информация об авторах / Information about authors

Рыжов Игорь Валерьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики России Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, ivr@imomi.unn.ru, SPIN: 5761-6776

Igor V. Ryzhov — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of history and politics of Russia, Institute of international relations and world history, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ivr@imomi.unn.ru

Дубинин Александр Игоревич — аспирант кафедры истории и политики России, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, adubinin40rus@mail.ru

Alexander I. Dubinin — postgraduate student of Department of history and politics of Russia, Institute of international relations and world history, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, adubinin40rus@mail.ru